

ПЛАНЪ Г. ПЕТРОЗАВОДСКА

6 дюймов 1 верста
0 100 200 300 400 500 с

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ
г. Петрозаводск

КРАЙ НЕПУГАНЫХ ПРОВИНЦИАЛОВ

Говорят, есть три вида лжи: просто ложь, ложь наглая и статистика.

Но до установления советской власти отрасль знаний, которая занимается изучением количественной стороны массовых общественных явлений, еще не была крапленой картой в политических играх. Поэтому дореволюционной статистике верить можно.

Эти заметки я написал по совету учителя истории, а ныне директора Национального музея Республики Карелия Михаила Леонидовича Гольденберга.

Мы с ним знакомы много лет и время от времени перезваниваемся. Во время одного из таких телефонных разговоров он предложил мне

собрать воедино по крайней мере три слоя статистики: конца XVIII века, середины XIX и начала XX столетия.

«Такой материал был бы очень полезен для педагогов, преподающих краеведение, – сказал Михаил Леонидович. – И поменьше беллетристики. Ладно? Одного, максимум двух свидетельств очевидцев вполне достаточно. Я же понимаю, что перечисление только цифр и фактов будет читаться скучновато».

Так я и написал...

21 марта 1777 года по высочайшему повелению Екатерины II Петровская слобода получила статус города.

«Повелеваем Олонецкой области Петро-заводскую слободу переименовать городом, назвав оный Петрозаводск, которому и быть на

основании прочих Новгородского наместничества новых городов», – говорится в указе, подписанном императрицей.

В 1782-м Петрозаводск объявили центром Олонецкой провинции.

В мае 1784-го под пушечный салют и колокольный звон было торжественно открыто Олонецкое наместничество.

Петрозаводск стал губернским городом.

В сентябре того же года прибыл назначенный правительствующим Сенатом первый гражданский губернатор – Гаврила Романович Державин.

Летом следующего года, 1785-го, в губернии побывал академик Николай Яковлевич Озерецковский, совершавший путешествие по великим озерам Северо-Запада России.

В своих путевых заметках он так описал Петрозаводск:

«Город сей по берегу озерного залива почти на две версты простирается; с двух сторон окружен лесными горами; с полуночной стороны обтекает его река Неглинка, в Онежский залив впадающая; другая речка Лососинка, на которой лежат вышесказанные заводы, протекает через самый город. Он населен купцами, мещанами и разночинцами.

Записанных в сем городе купцов числом 905, мещан 1781; но из сего числа купцов живет в городе только 185, мещан 182, прочие ж купцы числом 720 и 531 человек мещан с своими семействами живут домами по разным уездам и селениям Олонецкого наместничества.

Сверх того находится в городе разночинцев 71, казенного ведомства обывателей 565, при разных должностях 187, временно пребывающих по торгам, промыслам и разным работам 467 человек; всех же вообще в городе жителей мужеского пола 1657, женского 1194 души, кои помещаются в 375 деревянных домах, большею частию по-крестьянски построенных.

Церквей в Петрозаводске только две, и обе деревянные, из коих соборная во имя апостолов Петра и Павла построена государем Петром I. В ней иконостас писан чужестранными живописцами в бытность государя на Петровских заводах и на образе Иоанна Богослова надпись латинская: Iohannes. Видом церковь сия круглая, осмиугольная, с четырьмя вокруг перилами, в некоторых окнах оконницы в ней слюдяные. Другая деревянная церковь теплая; она хорошо вида не имеет.

Отличаются в Петрозаводске казенные каменные дома, в 1775 году в полтора жилья постро-

енные, которых шесть; в них по открытии Олонецкого наместничества помещены наместническое правление, палаты и прочие присутственные места; еще казенного каменного строения два магазейна, да осьмнадцать домов на каменном фундаменте, в коих живут правитель наместничества и другие губернские чины. Построены еще по учреждении наместничества деревянная общественная больница и училище для купеческих и мещанских детей...»

* * *

К середине девятнадцатого века Петрозаводск внешне почти не изменился.

«Русский Вестник» в сентябрьской книжке за 1863 год писал:

«По своей наружности этот город не заслуживает той величавой местности, на которой он был расположен. Это маленький городок, с восемью, кажется, церквями, в числе которых несколько деревянных... Невзрачные деревянные домишки, посеревшие и большей частью поставленные, каменные присутственные места, губернаторский дом, ряды и, наконец, совершенная тишь на улицах, пыльных летом и грязных осенью – вот физиономия Петрозаводска».

Однако статистика свидетельствует, что по сравнению с данными Н.Я. Озерецковского население Петрозаводска к этому времени значительно возросло.

К 1865 году в городе жило 11027 человек, 5723 из них были мужчины, 5304 – женщины.

По сословному признаку горожане распределялись следующим образом.

Потомственных дворян было 336, из них 207 мужчин и 129 женщин, к дворянам личным относились 384 мужчины, 477 женщин.

Православное белое духовенство представляли 25 мужчин и 23 женщины, монашество – 6 мужчин, к лютеранскому духовенству относились 4 мужчины и 2 женщины. 91 мужчина и 173 женщины значились в купеческом сословии. Но больше всего, конечно же, было мещан – к ним относились 2305 мужчин и 2381 женщина.

598 мужчин и 630 женщин были записаны в государственные крестьяне, 129 мужчин и 168 женщин – в крестьяне помещичьи, 142 мужчины и 146 женщин – в крестьяне горнозаводские, а вот крестьян-собственников и обельных вотчинников не было вовсе.

Регулярные войска, как и положено, представ-

ляли только мужчины, и было их 948, еще 69 зафиксированы как отпускники, а 96 – как солдатские сыновья. Среди отставных нижних чинов, солдатских жен и дочерей в это время было 210 мужчин и 571 женщина.

Иностранцами себя признали 12 мужчин и 4 женщины.

К лицам, не принадлежащим к вышеозначенным разрядам, было отнесено 263 мужчины и 589 женщин.

По религиозным конфессиям население распределялось следующим образом: православных – 10320; раскольников – 12; католиков – 279; протестантов – 144; иудеев – 85; мусульман или, как тогда говорили, «магометан» – 5.

В Петрозаводске той поры насчитывалось: домов казенных каменных – 22, деревянных – 17; церковных домов каменных – 3, деревянных – 3; общественных зданий каменных – 1, деревянных – 3; домов частных каменных – 12, деревянных – 909; магазинов – 8; лавок – казенных, церковных, общественных и частных – 148; церквей каменных было – 5, деревянных – 4, часовен – 4.

В городе жили и работали (первая цифра обозначает число мастеров, вторая – рабочих, третья – учеников): хлебники (19, 20), булочники (7, 16, 10), мясники (10, 10), кондитеры (1, 9, 4), портные (23, 46, 32), сапожники (30, 20, 18), модистки (3), шляпники (2), печники (7, 10), столяры (24, 28), медники (1, 1), шорники (2), кузнецы (6, 9, 3), извозчики (51, 39), коновалы (2), часовщики (3). Итого мастеров было 191, рабочих 217, учеников 67.

Все эти ремесленники принадлежали к мещанскому сословию, нижним чинам военного ведомства и разночинцам.

Главным заводом той поры в городе был Александровский пушечно-литейный. Из частных заводов значились только 1 кожевенный и 3 кирпичных.

А городских ярмарок было три: Афанасьевская, которая проходила с 18 по 31 января, Алексеевская, проходившая с 17 по 28 марта, и Петровская, самая короткая, с 29 июня по 6 июля.

* * *

В начале XX века в нашем городе побывал энтузиаст-путешественник Николай Ильич Березин.

В своем путевом дневнике он записал:

«Утром, когда мы вышли на палубу, «Кивач» уже подходил к Петрозаводску. Вдали на высокий берег лепились кучи серых домов вперемежку с садами. Между ними там и сям белели низкие каменные дома, над крышами которых высывал свою громадную массу белый собор с куполами в виде обычных луковиц. Виднелась еще какая-то церковь да пристани, возле которых уныло стояло несколько барок. Пусто и серо – таково первое впечатление от этого губернского города и если бы не яркое солнце, заливавшее небо и озеро веселыми лучами, да не скалистые берега с Ивановскими островами, замыкавшими Петрозаводскую губу справа, то было бы даже грустно. На пристани прихода «Кивача» ожидала целая толпа, и едва сбросили сходни, как началось обычное движение: покатали извозчики, дребезжа развинченными гайками, какие-то люди метнулись на паром, откуда на них напирали сходящие пассажиры, где-то целовались, где-то ругались, какие-то личности предлагали меблированные комнаты и еще что-то. Не торопясь, вскинули мы свои вещи на плечи и тронулись в путь, озираясь по сторонам на новое для нас зрелище.

С пристани мы сошли на берег и пошли в гору по одной из главных улиц Петрозаводска. Направо, среди небольшой площади, окруженной лавками, находился небольшой четырехугольный бассейн, в котором стояло несколько лодок с рыбой, запах ее носился по всей площади. Циклопическая мостовая и слабые намеки на тротуар вели вверх мимо низких домов с разнообразными вывесками: фотография, меблированные комнаты и т.д., а когда мы поднялись по ней, то узрели громадный неуклюжий собор, а за ним, по ту сторону речки Лососинки, низкие красные здания и высокие трубы пушечно-снарядного Александровского завода, положившего начало городу.

Петрозаводск. Соборная площадь.

г. Петрозаводск.
общественная пристань при отходе
парохода в Петербург.

Самый город с широкими, пустыми и пыльными улицами, с низкими казенными каменными домами и обывательскими деревянными, разворачивался направо. Мы разыскивали гостинный двор, пустые галереи которого отличались тем, что представляли ряды запертых лавок, над дверями которых возились и ворковали голуби, казавшиеся единственными обитателями этого погруженного в полдневный сон здания. Из десяти лавок торговала едва одна. В одной мы купили пару чайных ложек, а в другой 3 аршина марли для вуалей от комаров.

Город так невелик, что нечего было и спрашивать, как выйти из него. Мы пошли прямо, прошли маленький сквер, где я снял фотографию с прекрасного памятника Петру, фигура которого стояла лицом к заводу, простирая руку к своему созданию, и стали выбираться из города. Широкая пыльная дорога пересекла речку Неглинку и уходила вдаль, крестьянские телеги избородили ее колесами вдоль и поперек, городское стадо усеяло следами своего прохода, а какие-то предприимчивые обыватели повыкопали с обеих сторон разнообразные ямы, очевидно, добывая оттуда песок. Справа тянулись пустыри, слева такие же пустыри уходили вниз к озеру, открывая великолепный вид на всю Петрозаводскую губу. *(Здесь Николай Ильич немного напутал. Поскольку он со своим спутником шел в сторону Шуи, то пустыри были слева, а Петрозаводская губа – справа. – В.В.)* Солнце палило с ясного неба, а мы влачили, вздымая пыль, изнемогая от жары и тяжести груза...

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 году, в Петрозаводске проживало 12522 человека.

11887 человек назвали себя православными, а 53 – старообрядцами. Католиков было 149, лютеран – 251, иудеев – 174, магометан (т.е. мусульман) – 3. Остальные горожане относились к «реформатам» и «лицам остальных христианских исповеданий».

Дворян, чиновников и лиц военного сословия было 2185. К духовенству относилось 398 человек, к мещанам – 8175 и 1205 – к сельскому сословию.

Церквей в Петрозаводске в ту пору было 8, жилых домов – 1336, из них 38 каменных, а лавок – 169.

В 1913 году, накануне Первой мировой войны, город насчитывал 18879 жителей.

В 1914 году – уже 20459 человек.

ГЕННИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Столица на жизнь смотрит стратегически. Она, столица, всегда знает, по какому пути вести страну к процветанию. Ей ведомо, какую нужно проводить как внутреннюю, так и внешнюю политику, а значит, известно, сколько потребуется средств на содержание армии, флота, управленческого аппарата, на развитие промышленности и прочие важные государственные нужды.

Но деньги на претворение планов и осуществление жизненно важных проектов собираются с провинции, с населения.

Делается это посредством различных налогов.

Причем здесь прослеживается некая закономерность – столица всегда спешит, ей хочется сделать задуманное быстрее, а потому, сколько она ни получит – все мало.

Провинция же поборам в государственную казну всячески противится, ищет для себя поблажек и отсрочек, а если не будет этого делать, то вскоре загонят ее, бедную, как лошадь, которую только понукают да нахлестывают.

Здесь всегда борьба, всегда схватка.

Но если провинция хоть время от времени будет выигрывать, то всем стратегическим планам грош цена. Загнанных лошадей можно не пристреливать, сами сдохнут, после чего и скачке конец.

Умные руководители, как в столице, так и на местах, это понимают.

... Петра I представлять не надо, все знают – крутой был государь.

Не каждый мог ему слово поперек сказать, а кто говорил, тот здорово рисковал.

Однако находились смельчаки, которые могли государя поправить – вежливо, с расшаркиванием, но настоять на своем.

Одним из таких людей был Виллим Геннин.

К сожалению, многие петрозаводчане мало, а то и почти ничего не знают об этом талантливом инженере и ловком политике.

Поэтому придется хотя бы коротко о нем рассказать.

Детство и юность Геннина – сплошные легенды.

Даже фамилия его в разных документах называется по-разному: Геннин, Геннинг, де Генин и даже Дегеннин. Что же касается имени-отчества, то вообще-то он Георг-Вильгельм, однако в России стал Виллимом Ивановичем. Именно так и буду его называть.

Появление Виллима Ивановича на российской службе подтверждается документально. Это произошло во время поездки молодого Петра в Европу.

Именно тогда (1698 г.) появился в его окружении юноша по фамилии Геннин.

Чин ему для начала дали фейерверкера, а жалование положили 67 руб. в год. (Фейерверкер, в переводе «работник огня» – это самый младший офицерский чин в артиллерии, типа унтер-офицера в пехоте, в русской армии он просуществовал до 1917 года.)

Позднее мы видим Геннина уже в свите блистательного Романа Брюса – российского полководца шотландского происхождения (поэтому он вообще не Роман, а Роберт).

Во время Выборгского похода (1710 г.) Геннин уже артиллерии майор и даже успел отличиться при разведке Кексгольма, за что получил царскую награду и деревеньку о шестидесяти дворах в личное владение.

Впоследствии по приказу ближайшего сподвижника Петра I, одного из создателей русского военного флота, генерал-адмирала и первого президента Государственной Адмиралтейств-коллегии Федора Матвеевича Апраксина, Геннин возводит крепостные укрепления близ Гангута, в 1712 году достраивает зелейные (пороховые) фабрики в Петербурге, а в конце следующего года получает назначение на пост начальника горных заводов Олонецкого края.

За годы правления Виллима Ивановича Петровский завод, который дал жизнь нашему городу, был значительно модифицирован и стал одним из лучших предприятий России.

К счастью, сохранилась большая и разнообразная переписка Виллима Геннина. Она была опубликована в одной из книжек «Горного журнала» за 1826 год, и мы с вами можем объективно судить о том, к чему стремился и чего добивался этот «птенец гнезда Петрова», будучи крупным начальником провинциального масштаба.

Финансовое положение у государственной казны в ту пору было критическое. Война со Швецией потребовала полной перестройки и перевооружения армии. Наконец-то появился у России

и свой военный флот, который во все времена был дорогостоящим приобретением.

В нитку тянулась провинция, а столица без устали вводила все новые и новые налоги.

Были обложены государевыми поборами рыбные ловли, бани, постоялые дворы, мельницы, пчельники, конные заводы и площадки, на которых вели торговлю лошадьми, стали брать пошлину за право ношения бороды, двойной налог за приверженность старой вере, даже обложили особым сбором дубовые колоды, которые шли на гробы.

Значительно расширили употребление гербовой бумаги для всякого рода сделок и прошений...

Но денег все равно не хватало.

«Там целые полки годами не получали жалованья и превращались в полунищих, полуразбойников; там эскадра не может выйти из Невы по недостатку денег и припасов, и ее опоздание отсрочивает на год предположенную кампанию, там умирают от голода артиллерийские служители...» – писал известный историк (а также публицист и политический деятель) Павел Николаевич Милоков.

И на этом фоне Виллим Геннин начинает отстаивать право провинции на выживание. Причем он искренне считает это делом государственной важности.

Так, в апреле 1715 года Виллим Иванович отправляет прошение, чтобы приписанных к заводам работников освободили от правева, т.е. от взимания недоимок через массовую экзекуцию. Он доходчиво объясняет свою позицию: все равно таким путем ничего не выбить – ведь если случились недород и падеж скота, то не нужно народ еще и попусту истязать.

Входя в производственные нужды, Геннин дотошен даже в мелочах.

В сентябре того же 1715-го он хлопочет о сукне для мундиров нижних чинов местного батальона, но пока еще пишет об этом спокойно, без раздражения.

В Адмиралтействе Геннин известен, там знают, что не мытьем, так катаньем, а своего он добьется,

В. И. Геннин

поэтому сукно присылают, но с указанием вычесть его стоимость из жалованья службы.

Геннин, получив это уведомление, не спешит его выполнить. Он едет в столицу и как детям малым втолковывает чинам из Адмиралтейства, что солдаты не по прихоти рвут обмундирование, но потому, что принимают участие в заводских работах и вручную таскают пушки на пробу, на «огневое испытание». Уже в своем письме он ехидно сообщает, что солдат в месяц получает 13 алтын 2 деньги, если же вычитать из жалованья стоимость мундира, то того вычета будет не меньше чем на 3 года, а «до того времени разве им нагим ходить?»

В конце письма Геннин попутно напоминает и о необходимости пополнения заводского припаса продовольствия.

Неизвестно, был ли выполнен последний пункт или нет, но когда в январе следующего года в Олонецкий край направили на постой драгун, Виллим Иванович тотчас написал Апраксину – выводите их немедленно, самим кормиться нечем.

И подобных примеров множество.

Геннина не нужно идеализировать.

Он – руководитель своего времени, он может солдат послать на усмирение бунтующих крестьян, и дезертиров по его приказу ловят-наказывают, и свою выгоду Виллим Иванович никогда не упустит. Но все-таки в первую очередь Геннин – человек дела, на выполнение которого направлены все его решения и поступки.

При Геннине промышленность Олонецкого края получила мощный толчок в своем развитии и при этом заведенные здесь порядки были значительно мягче, чем в других местностях. Поэтому, как сооб-

щалось Адмиралтейству, хоть и тягостна заводская работа, а все равно много мужиков сбежало сюда из других уездов.

А Петр? Что Петр? Петр для пользы дела признавал право Геннина на хозяйскую самостоятельность.

Убедившись, что производство на Петровском заводе уже поставлено на высокий уровень, он поручает Геннину построить еще один оружейный завод, поближе к Петербургу, – на реке Сестре.

Виллим Иванович и здесь остается верен себе – на предложение государя согласился, однако в личном письме не преминул сообщить, что «Олонецкому уезду все тяготы по постройке нового завода не снести, до основания разорится».

Геннин построил Сестрорецкий завод, после чего по указу Петра I отправился поднимать промышленность Урала, закладывая там города и новые предприятия, оставаясь таким же, каким был всю жизнь, – рачительным и дальновидным хозяином.

На Урале Виллим Иванович Геннин тоже оставил о себе добрую память.

Как написал один из литераторов, ознакомившись с документами центральных архивов, там его «вся сибирская каторга уважала».

Портрет Геннина и чугунную доску об открытии его «тщанием» первого российского курорта можно увидеть в музее «Марциальные воды» – филиале Национального музея РК, в самом же Петрозаводске упоминаний о нем не сыскать, хотя именем этого человека – причем с полным на то основанием – даже можно назвать один из проспектов города.

□

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

